

**Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(17)

**МОСКВА
2004**

Выходит один раз в квартал

Главный редактор

Вагиф Гусейнов

Редакционный совет:

Аркадий Вольский	Александр Назарчук
Михаил Делягин	Алексей Пушков
Владимир Жижин	Александр Рар
Сергей Караганов	Владимир Рыжков
Андрей Кожошин	Андрей Федоров
Николай Михайлов	Александр Ципко

Верстка

Татьяна Астахова

Проверка и корректура

Инна Львова

Учредитель

Институт стратегических оценок и анализа

Журнал издается при поддержке ЗАО «Северстальтранс»
и Бюро социально-экономической информации

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004, г. Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (095) 911-97-78, (095) 912-39-88

Факс: (095) 911-92-77

www.isoa.ru

E-mail: issa@lmail.ru

info@isoa.ru

Тираж 1500 экз. Цена свободная.

© Институт стратегических оценок и анализа, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Ципко

Размышления о природе и причинах краха постсоветского
либерализма 4

Сергей Кортунов

О механизме принятия внешнеполитических решений 25

Карин Клайсль (Австрия)

Бдительна ли Европа? 43

Вагиф Гусейнов

Иран: между прошлым и будущим 62

Синан Оган (Турция)

Российско-турецкие отношения на Южном Кавказе: партнер-
ство или соперничество? 95

Александр Жарников

Национальная политика в России: плюсы и минусы трех
вариантов 99

Вадим Корнилов

Мировой танкерный флот 115

Леонид Сморзюнов

Идейное содержание постсоветского марксизма 124

Владимир Гуморов

Политическое образование и университет в современной
России: новые дилеммы 138

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛЫХ СТОЛОВ, проведенных с участием

Института стратегических оценок и анализа и редакции
журнала «Вестник аналитики» (апрель — май 2004 года)

I. «Дуга нестабильности» в Средиземноморско-Каспийском
регионе: самопровозглашенные территории между
Россией и Европой 152

II. Постсоветский либерализм: кризис или крах? 208

III. Модернизация России и Европа 253

Об авторах 303

Our authors 306

Summary 309

ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА

Крушение «реального социализма» привело к политическому кризису марксистского учения. Однако в качестве теории и идейной практики марксизм остается одним из заметных течений современного общества. На Западе и Востоке марксистские идеи имеют своих сторонников и даже занимают все еще место господствующей идеологии, модифицированной национальными традициями (КНР, Вьетнам, Куба). Тем не менее следует отметить, что 90-е годы прошлого столетия, как и начало нынешнего, не дали каких-либо серьезных дополнительных импульсов к развитию марксизма в виде новых направлений или школ. В западных странах великими марксистскими направлениями все так же остаются Франкфуртская школа (второе поколение), альтерсеррианство и аналитический марксизм¹. Работы представителей западного марксизма, опубликованные в России в эти годы², вызвали определенный интерес, но не послужили импульсом для появления оригинальных продолжателей этих идей в нашей стране.

И все же в спектре политических теорий и идеологий постсоветского периода России марксизм остается заметным идейным течением. Было бы странно не увидеть его продолжателей после более чем вековой истории развития в нашей стране идей К. Маркса и Ф. Энгельса и господствующих позиций марксизма-ленинизма в советское время. Серьезные политические трансформации в 90-х годах прошлого века, конечно, потеснили марксизм на периферию общественной теории и идеологии, но марксистская методология и идеи тем не менее часто просматриваются в суждениях нынешних постсоветских идеологов либерализма, консерватизма, патриотизма, глобализма и др. Марксизм в современной России все же имеет не только отдельные последователей сторонников, но и оформлен в некоторые школы и политические движения.

¹ См.: *Hindes V. Marxism//A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Ed. by R. Goodin and Ph. Pettit. Oxford, Malden, Mass.: Blackwell, 1998.

² См.: *Хайдеггер Ю.* 1) Моральное сознание и коммунистические действия. СПб.: Наука, 2000; 2) Введение к другому. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001; 3) Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003; *Платворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.

В постсоветской России ряд политических течений пытается использовать марксизм. Доктринская версия — марксизм-ленинизм — наблюдается у крайних коммунистических партий и объединений (типа Российской коммунистической рабочей партии или Всероссийской коммунистической партии большевиков). Политическая риторика и основные идеи здесь не представляют чего-либо принципиально отличного от того доктринального научного коммунизма, который господствовал в советский период. В целом большевистская версия марксизма довольно активно пропагандируется до сих пор, но имеет довольно узкий круг сторонников³. Попытки с марксистских позиций переосмыслить историю социализма в России и современные проблемы общественного развития присутствуют в некоторых работах идейных сторонников КПРФ, но и они не выходят в целом за рамки традиций советского периода⁴. Идеи классиков марксизма можно обнаружить также в социалистическом и социал-демократическом движении. Социал-демократическая и социалистическая версии, однако, строятся скорее по типу западных аналогов, где марксизм является одной из основ подобных движений. Следует сказать, что доктринальная и социалистическая (социал-демократическая) версии марксизма в России не дали сколько-либо заметных идеологов. Из всего спектра постсоветского марксизма выделяются, пожалуй, только критический марксизм и эклектический марксизм, обладающие различным политическим весом и влиянием.

В данной статье и будут рассмотрены две основные версии марксизма в постсоветский период России: критический марксизм и эклектический марксизм.

Критический марксизм (или «неомарксизм») разрабатывается небольшой группой обществоведов — экономистов, философов, социологов, юристов и политологов, объединенных журналом «Альтернативы», издаваемым в Москве на русском и английском языках с 1991 года. Идеями вдохновителями группы являются экономисты Александр Владимирович Бузгалин и Андрей Иванович Колганов. Критическими марксистами опубликован ряд статей, монографий и сборников, посвященных в целом тем основным проблемам: оценке «реального социализма» и его кризису, пониманию современного состояния мира и России и возможностям социализма, перспективам коммунистической формации как «царства

³ См.: *Борышев А. П.* Большевикизм и современный мир. Т. 1. М.: [Об-во дружбы и сотрудничества с заруб. странами], 2003.

⁴ См.: например: *Кара-Мурза С. Г.*: 1) Истмат и проблемы Восток—Запад. М.: Эксмо, 2002; 2) Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003.

свободы»⁵. Данное направление не имеет какого-либо одного политического объединения; некоторые из его участников близки к различному роду социалистам, социал-демократам.

Критические марксисты считают себя наиболее последовательными продолжателями марксистского учения и претендуют на адекватное выражение «левого» социалистического и коммунистического движения в России. Критикуя «ортодоксально-коммунистическое течение» за фактически реставрационную идеологию и политику («за восстановление "социализма" 30-х — 60-х годов») и «социал-державное течение» в КПРФ («идеологически оно представлено смесью экономических лозунгов социал-демократии с российским традиционным государственно-бюрократическим патернализмом и пережитками общинности/"державности"/»), критический марксизм резко оценивает слабость своей политической базы и полагает, что их движение находится в самом начале: «По сути дела мы стоим перед необходимостью начала нового движения, наследующего достигнутого и преодолёвавшего ошибки коммунистов и социал-демократов XX века»⁶.

Хотя «критический марксизм» в современной России и заявляет о грандиозности и новизне своего замысла, тем не менее по ряду моментов он вторичен, в чем-то родственен западным версиям марксизма («критической теории» Франкфуртской школы, левому экзистенциализму, еврокоммунизму), которые развивались как ответ на неспособность догматического марксизма объяснить новые процессы. Более того, можно сказать, что это российское направление является реакцией творческой части советских марксистов, пытающихся на основе прочтения работ Маркса (философско-экономических рукописей 1844 года, экономических рукописей 1857—1859 годов, 3-го тома «Капитала») и некоторого заимствования идей у западных новых марксистов, теоретиков информационного общества, глобалистов, российских гуманистариив создавать оригинальную марксистскую теорию XXI века.

Данное направление марксизма опирается на идею критического диалектико-материалистического метода, позволяющего выполнять

не только задачи познания действительности, но и ее преобразования. В определенной мере он восходит к одинадцатому тезису Маркса о Фейербахе, согласно которому философы прошлого лишь объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его изменить⁷. Намерение построить критическую теорию общественного развития означает, что критике подвергнется действительность (против объективизма), теория (против позитивизма) и сама методология (против постмодернизма). Как пишет А. В. Бузгалин, «этот метод (в отличие от приписываемых ему постмодернизмом недостатков) принципиально открыт. Особенно важно то, что он открыт во времени, ибо утверждает историческое развитие и смену качественно различных систем»⁸.

Более того, диалектический метод не претендует на абсолютную метасистемность (в отличие от постмодернизма, возводящего свой плюрализм-равнодушие в абсолютную догму), он историчен. В частности, диалектический метод наиболее адекватен для эпохи «экономической необходимости» и может быть снят в методе диалектического, «полифонизирующего» творчества как более адекватном для «царства свободы»⁹.

Композиционно теория «критического марксизма» строится вокруг идеи о социализме как переходе из «царства необходимости» (капитализм) в «царство свободы» (коммунизм). Общий взгляд на этот процесс выражен в следующем суждении: «Марксистская концепция движения к социализму основывалась главным образом не на прогнозах (отчасти неточных), которые были даны в "Анти-Дюринге" и в "Критике Готтской программы". Она основывалась не на моральном осуждении эксплуатации, не на признании справедливости классовой борьбы пролетариата против буржуазии. Она основывалась на выявлении тезисов, что развитие всеобщих производительных сил (науки, в частности), творческого труда и т. п. требуют преодоления отчуждения, выхода за рамки "царства экономической необходимости"; что капиталистическая система хозяйства создает материально-технические условия, позволяющие революционному социально-экономическим институтам, позволяющие революционному движению не ограничиваться уничтожением эксплуатации, но и использовать многие элементы разрушаемой капиталистической системы как основания для формирования нового, более прогрессивного экономического строя»⁹. Источники этих идей, согласно критическому марксизму, об-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 265.

⁸ Бузгалин А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе)//Критический марксизм: продолжение дискуссии/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 14.

⁹ Бузгалин А., Колганов А. Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия. 1992. С. 304.

⁵ Бузгалин А., Колганов А. Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия, 1992. Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. М.: Олма-Пресс, 1996. Куратишвили Б. П. Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997. Славин Б. Ф. После социализма... Метаморфозы российской политики конца XX века. М., 1997. Критический марксизм: русские дискуссии/Под ред. М. И. Воейкова. М., 1999. Между В. М. (1) Социализм как пространство культуры//Альтернативы, 1999. №2; 2) Социал-демократия как политика и идеология//Свободная мысль. 2001. №5; Вейков М. И. Споры о социализме. М., 2001; Критический марксизм: продолжение дискуссии/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002; Бузгалин А. В. Анти-Форрест: социальное освобождение и его друзья. М.: Издательство УРСС, 2003.

⁶ Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. М.: Олма-Пресс, 1996. С. 101, 102, 110.

наруживаются в работах: том 3 «Капитала» (главы о кредите и фиктивном капитале) К. Маркса, «Фиктивный капитал» Р. Гильфердинга, «Социальные основы кооперации» М. Тузан-Барановского, «Фроизшап кагастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленина.

Современное общество, как мир отчуждения, характеризуется рядом предпосылок, свидетельствующих о назревающих преобразованиях, о выходе за рамки материального производства как основной сферы, определяющей прогресс. К таким предпосылкам коммунизма относятся: (1) превращение творческого труда, новаторства в главный фактор прогресса; (2) на место рационального homo oeconomicus приходит новый тип личности — homo creatus, человек творческий, любящий и умеющий создавать новый мир; (3) из источника сырья биогеосфера превращается в культурную ценность, сохранение и воспроизводство которой становится важнейшей функцией общества и условием его прогресса; (4) культурное богатство, накопленное человечеством к концу второго тысячелетия¹⁰. Сфера интеллектуальной деятельности, творчество идут на смену физическому труду, а соответственно мерилом общественного богатства становится не рабочее, а свободное время. Культурные ценности становятся новым источником развития; они принципиально отличны от материальных ценностей индустриального производства: они всеобщие, не ограничены и неуничтожимы; они уникальны, не потребляемы, а подлежат лишь распрямлению; они общедоступны. «В царстве свободы», — пишет А. В. Бузгалин, — природа, культура и человек выступают не как ресурс, не как предмет потребления или источник производства вещей, а как ценности, которые не могут и не должны быть потреблены в физическом смысле этого слова. В этом мир культуры качественно противоположен миру материального производства, который нацелен на безграничное физическое потребление природных и человеческих ресурсов. Напротив, для мира культуры задачей становится воспроизводство (а на первом этапе — восстановление и сохранение) биогеоценозов и человека, как культурных ценностей»¹¹. Не утраченная материальное производство (что было бы утопией, считают критические марксисты), новое коммунистическое общество ставит во главу угла всеобщий интеллектальный труд и культуру: «Существование социализма в качестве теории и политического движения оправдано в настоящее время в той мере, в какой он представляет в обществе интересы

культуры..., делает их приоритетными по отношению к экономическим и политическим интересам»¹².

Все эти предпосылки коммунизма обнаруживаются уже в современном капиталистическом обществе, но, как полагают критические марксисты, они проявляются в превращенных («превратных», по терминологии критических марксистов) и отчужденных формах. Категория «отчуждения» здесь выступает центральной, и она используется для оценки положения человека в период «корпоративного капитализма». Если отчуждение от средств производства выступает основной характеристикой положения работника в эпоху индустриального производства в его капиталистической форме, то сегодня, по мнению критических марксистов, в основе отчуждения лежит антагонистическое противоречие между творческим всеобщим трудом и частнокapиталистическим характером присвоения этого труда и его результатов¹³.

Переход от «корпоративного капитализма» к коммунизму мыслится в виде вызревания условий сначала для народно-демократической, а затем и социалистической революций. Вслед за Марксом революция рассматривается действительными «локомотивами истории», но делается принципиальное различие между революцией и бунтом. Основным критерием различения служит «прогресс культуры»: «Мы можем сказать, что только тот социальный качественный сдвиг ("взрыв"), который способствует (1) новому скачку в развитии креативной системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса культуры, чем предыдущая, и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией (а не бунтом), праздником не только угнетенных, но и культуры»¹⁴. В качестве субъектов преобразования критический марксизм выделяет лиц наемного и свободного труда, в деятельности которых присутствует значительная доля творчества. При этом формулируется значимость развития классового подхода к анализу противоречий, так как «классовый подход дает возможность объяснить развитие общества, потому что только он в центре понимания ставит главную проблему общественного развития — проблему труда и распределения его результатов»¹⁵, хотя задана ставится пре-

¹² Мезюев В. М. Социализм в перспективе развития постиндустриального общества // Критический марксизм: продолжение дискуссий / Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 474.

¹³ Бузгалин А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе) // Критический марксизм: продолжение дискуссий / Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 172.

¹⁵ Воейков М. И. Парадоксы теории социализма в России XX века // Критический марксизм: продолжение дискуссий / Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 407.

¹⁰ Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. С. 9–11.

¹¹ Бузгалин А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе) // Критический марксизм: продолжение дискуссий / Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 22.

одолеть, «снять» представляющие представления об исторической миссии пролетариата¹⁶.

Критический марксизм рассматривает социализм как переходную к коммунизму форму общества, как интернациональный, мировой процесс формирования роста нового общества в прерванных формах в рамках современного постклассического капитализма. Деятельности массовых демократических и социалистических организаций, «вырашивание» отношений нового общества в тех странах, где произошло народно-демократические и социалистические революции. В экономическом отношении это будет пострыночное общество, в политическом отношении — общество «базисной демократии» и самоуправляемая: «Ирактожка социализма как переходного процесса, главным “энергетическим потенциалом” которого является ассоциированное социальное творчество, позволяет дополнительно обогатить тезис об отмирании политических форм (в частности, партии, государства и вообще принципа представительной демократии) и развитии базисной демократии и самоуправления как направлений, характерных для всех трех “потоков” (“русел”) социализма (социалистических ориентированных реформ в “странах капитала”, социалистических движений, социалистических обществ)»¹⁷. Основанием данной системы выступают отношения свободной ассоциации индивидов — объединения, которое является добровольным и свободным союзом, работающей и открытой ассоциацией, строится на основе соединения труда, управления и собственности¹⁸.

«Базисная демократия» при социализме включает международно признанные права и свободы человека, территориальное самоуправление, превращение массовых демократических организаций и движений в полновластных субъектов регулирования общественной жизни, отмирание политических партий, построение государства, где законодательная власть формируется по принципу представительства от низовых ассоциаций с императивным мандатом депутатов, исполнительная власть подчинена законодательной, а суд независим¹⁹.

¹⁶ Бугашич А. В. Будущее коммунизма. С. 50.

¹⁷ Бугашич А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе)//Критический марксизм: proceedings дискуссий/Под ред. А. В. Бузалина, А. И. Колганова. М.: Слово, 2002. С. 180.

¹⁸ Там же. С. 161; Колганов А. Коллективная собственность и коллективное принятие решений. М., 1994. На пути к экономической демократии/Под ред. А. В. Бузалина. М., 1994.

¹⁹ Бугашич А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе)//Критический марксизм: proceedings дискуссий/Под ред. А. В. Бузалина, А. И. Колганова. М.: Слово, 2002. С. 180—181.

Критический марксизм в современной России является маргинальным течением, не оказывающим серьезного влияния ни на политический дискурс в обществе, ни на общественно-научные направления, ни на политическую практику. Объективно он служит сохранению интереса к работам К. Маркса, западных марксистов в условиях глубокого кризиса марксизма как политического и идейного движения.

Эклектический марксизм. Данный термин используется здесь для того политического и идейного течения в постсоветской России, которое пытается объединить ряд марксистских идей (сохранение верности марксизму) с идеологиями и идейными конструктами, слабо связанными с логикой марксизма или даже противоречащими ей. Здесь наблюдается приспособление прежних марксистских идей, с одной стороны, к новым процессам и явлениям в современном мире (глобализации, информатизации, демократизации), с другой стороны, к особенностям развития России в посткоммунистическое время. Часто это объединение носит прагматический характер и рассчитано на расширение союзников коммунистической партии и ее социальной базы. В эклектическом марксизме присутствует попытка развить основные идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина с учетом новой ситуации, в которой оказалось коммунистическое движение после краха «реального социализма». В политическом отношении к данному направлению следует отнести идеологов КПРФ и прежде всего ее руководство. Олицетворяет эту линию в КПРФ ее лидер Г. А. Зюганов (р. 1944), отбуквавший ряд работ²⁰.

В отношении собственно марксистских идей и их интерпретации и наполнения новым содержанием эклектический марксизм идет в том же направлении, что и критический марксизм. Можно отметить общее для них стремление опереться на идею творческого труда, характеризующую реальное обобществление как условие всестороннего и гармонического развития человека в коммунистическом обществе. *Здесь марксизм остается, как и прежде, философией и идеологией труда, эксплуатируемого капиталом в буржуазном обществе и освобождения от себя три коммунизме.* Направления, по которым идет движение в эклектическом марксизме, подобны или параллельны критическому марксизму: часто совпадают и понятия, хотя критический марксизм более склонен использовать филолософо-экономическую, а эк-

²⁰ Зюганов Г. А. 1) Держава, 1994; 2) Россия и современный мир. М.: Информпечать, 1995; 3) Россия — Религия — Религия — Религия государственного патриотизма. М.: Информпечать, 1996; 4) Октябрь и современность. М.: Информпечать, 1997; 5) Вера и верность. Русское Православие и проблемы возрождения России. М.: [б.и.], 1999; 6) Постыжение России. М.: Мысль, 2000; 7) Глобализация: тупик или выход?//Диалог, 2000. №6; 8) На рубеже тысячелетий. М.: Мысль, 2001.

лектический марксизм — политико-экономическую терминологию. Вместе с тем эллектический марксизм пытается расширить интеллектуальное поле своего размышления, включая в него идеи цивилизационного подхода, «устойчивого развития», геополитики, «русскую идею». Отметим ряд положений, характеризующих особенность данного направления российского марксизма.

Процесс развития и смены общественно-экономических формаций осуществляется в ходе обобществления труда. Марксизм, однако, проводит различие между технико-экономической и социально-экономической сторонами труда. Производительные силы и производственные отношения составляют способ производства материальных благ, они же выступают характеристиками этих двух сторон труда. Социальные революции (т. е. смена общественно-экономических формаций) наступают тогда, когда активные производительные силы (средства производства и человек) перерастают существующие производственные отношения (отношения собственности). Эта логика марксистского рассмотрения общественного развития явно лежит в основании идеологии Г. А. Зюганова, когда он пишет о современной глобализации как последней стадии развития капиталистического обобществления труда и проиозводства. Всемирный масштаб обобществления труда на этапе глобального капитализма в формах экспансии капитала и рынка, его интернационализации, глобальных финансовых и рыночных систем международных разделений труда и т. д., однако, вступает в противоречие с современным характером труда и ведет к новым формам эксплуатации. «...В марксистском понимании категории труда и капитала по своему содержанию значительно шире их традиционной узкоэкономической интерпретации, — пишет Г. А. Зюганов. — Труд есть прежде всего родовой признак человека и общественного. Его сущностью является не простая затрата энергии, а творчество. Так, согласно Марксу, всеобщий труд есть “всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение”. Капитал же — это овеществленный, мертвый труд, приобретенный денежную стоимостную форму и господствующий над трудом живым... Капиталистическая глобализация несет в себе зародыш, материальную возможность перехода к новому, более справедливому общественному укладу. Но для того чтобы эта возможность превратилась в действительность, она должна быть освобождена от своей нынешней, капиталистической общественной оболочки»²¹.

Основные изменения, которыми сегодня отмечен труд как раз и связываются с его интеллектуализацией, ростом творчества и нова-

²¹ Зюганов Г. А. Глобализация: тупик или выход? С. 19.

торства, духовного содержания. «Производительный труд становится трудом преимущественно интеллектуальным, — пишет Г. А. Зюганов. — В силу этого неуклонно повышается вес творческих мотивов и стимулов труда. Из вынужденной необходимости (или даже нравственной обязанности) труд превращается в самцель, приобретает значимую потребительскую ценность как естественный процесс развития и раскрытия способностей человеческой личности»²². В противоположность капитализму, где трудовая деятельность являлась сферой траты физических и интеллектуальных сил, в современном обществе создаются новые условия, позволяющие сделать труд пространством для развития личности, т. е. приобретения ею истинно человеческих качеств. Отсюда «в качестве главной основы производства и богатства выступает “развитие общественной индивидуальности”. Соответственно главными показателями жизнеспособности общества становятся масштабы вложения ресурсов “в человека” — в науку, образование, культуру. Поэтому и мерой общественного богатства все больше становится не *рабочее время* и создаваемая в течение него менова стоимость, а *свободное время*, необходимое человеку для его непрерывного развития»²³. Силой, способной выступить субъектом преобразования, являются новый рабочий класс XXI века — работники физического и умственного производительного труда, национально-освободительное движение и движения, борющиеся за спасение культуры от наступления бездуховности.

Правда, вопреки логике прежнего марксистского представления о новых возможностях материального и духовного прогресса при коммунизме (социализме) эллектический марксизм характеризует будущее развитие материальных условий жизни более осторожно. Так, отпицается, по сути, содержание закона возрастания потребностей и коммунистический принцип «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям» на том основании, что они носят внеисторический характер. Концептуально этот принцип обновляется утверждением, что «круг потребностей человека должен быть понят как совокупность материальных и духовных средств, необходимых творческой, нравственной личности для реализации своих способностей в окружающем мире»²⁴. Без этого данный принцип совпадает с буржуазным идеалом «сверхпотребления». Современное же развитие скорее можно протнозировать в направлении «оптимального» социализма. Сам переход трактуется как движение от принципа «всеобщей эксплуатации» (при капитализме) к принципам «всеобщего бережливости» (при природной среде, материальных ресурсов, труда), «гуманизации

²² Зюганов Г. А. На рубеже тысячелетий. С. 527.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 528.

рованного потребления», сочетания «стабильного и достойного человека индивидуальным потреблением» с «постоянно расширяющимся, все более разнообразным уровнем потребления в сфере общественно-коллективного бытия»²⁵. Трудно совместимыми в эклектичном марксизме в этой связи выступают идеи о необходимости не свертывания производства и потребления, а изменения их формы, и идеи рациональной экономики как экономики «снижения расхода материялов и энергии на душу населения».

Наиболее очевидно эклектичная составляющая данного вида социально-политической теории и идеологии проявляется в несогласованных между собой идеологических частях, истоки которых лежат в различных культурных и идейных традициях и которые рассматриваются в качестве необходимых элементов развития марксизма. Два-три важнейшими подходами, которыми пытаются обогатить марксизм современные российские коммунистические идеологи и политики, являются геополитика и теория цивилизации. В этом отношении нет никакой ясности: как сочетаются данные подходы с марксистской теорией общественно-экономических формаций (не смотря на утверждения о том, что это сочетание дает неувлажариванную теорию), каково соотношение геополитики и теории цивилизации с теорией социализма и коммунизма как всемирно-исторического процесса. Утверждение приверженности марксизму (необеспеченное, как было показано), сочетаемое с евразийским мировоззрением, представлением о соперничестве «океанской империи» (США) с «континентальной державой» (Россия), идеями соборности и государственничества, особости русского цивилизационного пути, явно находитесь в состоянии несогласия между собой. Собранные вместе как результат «комплексного» подхода²⁶ эти идеи образуют конструкцию довольно «постмодернистскую» в том самом «рутательном» смысле (как эклектика), с которым это понятие часто связывают (хотя и неправоммерно). В политико-прагматическом смысле эклектический марксизм является популярным и выполняет мобилизационную функцию в условиях, когда марксистские идеалы (бесклассовое общество, гармоничное развитие человека, общественное самоуправление и др.) эту функцию не выполняют. Тогда идея «врата», органично присущая геополитике, или идея особой исторической миссии культуры, свойственная цивилизационному подходу, начинают замещать такие старые марксистские постулаты, как «классовый враг» и «всемирно-историчес-

кая миссия пролетариата». В этом отношении эклектический марксизм оказался более эффективным, чем догматический с открытой опорой на эти принципы, или критический, вообще отказавшийся не только от этих понятий, но и от всяческих их замещений. Но в конечном итоге в «эклектичном марксизме» марксизм оказался вытесненным полностью геополитикой и теорией цивилизации. Попытка «развить» марксистское учение добавлением к классовым противоречиям межцивилизационных противоречий привела к тому, что, как и ранее в истории формирования российского марксизма в конце XIX — начале XX века, вопрос «о капитализме в России» стал центральным. Как представляется, утверждение о «сушностной несовместимости западной буржуазной цивилизации и цивилизации российской»²⁷ ставит под вопрос правомерность марксизма как универсальной историческофской теории, способной к развитию. Гуманистические идеалы марксизма, его теория социализма и коммунизма неотрывно связаны с критикой капитализма, но эта критика не выступает отрицанием исторической необходимости капиталистической формации. В нем критика дает понимание исторических границ капитализма как всемирно-исторического процесса развития производительных сил и производственных отношений. В эклектичном же марксизме марксистская критика капитализма понимается в принципе как голое отрицание. В основе такого отношения лежит антизападничество и отождествление современного Запада с «мировой капиталистической системой», находящейся в состоянии кризиса. Запад не только не справляется со своими проблемами, но и навязывает пагубный способ общественной жизни другим народам. Принципиальная несовместимость западной культуры и цивилизации с ее рационализмом и приоритетностью индивидуального начала, ярко представленными в либеральной идеологии и философии, с русской цивилизацией с ее культуром соборности и державности, как считается в эклектичном марксизме, является основным выводом, происходящим из использования геополитического и цивилизационного подходов к анализу современности.

В этой связи нельзя сбрасывать со счетов и своеобразный «национализм» эклектичного марксизма, направленный против капиталистической глобализации как унификации и против «всечеловеков». Идея «русского социализма» в чем-то напоминает тот вариант «национальных моделей социализма», который наблюдалась в истории. За образцы здесь берется, конечно же, китайский путь развития последних десятилетий. В основании «русского социализма» эклектический марксизм пытается положить идеологию сочетания постиндустриаль-

²⁵ Зюганов Г. А. Глобализация: тупик или выход? С. 31.

²⁶ Зюганов Г. А. Россия — Родина моя: Идеология государственного патриотизма. С. 46.

²⁷ Зюганов Г. А. На рубеже тысячелетий. С. 531.

ного технологического способа производства (постиндустриализм как материально-техническая предпосылка социализма) с традиционными ценностями русской цивилизации, с «русской идеей»: «Именно синтез ленинской методологии и наследия лучших отечественных мыслителей должен стать основой современного русского социализма и залогом возрождения нашей любимой Родины — великой социалистической державы»²⁸. Технологический способ производства, адекватный социализму, развивается на основе изменений характера производственного труда (интеллектуализация), взаимоотношений производства и природы (уплодотворение производства процессам жизни), гибкого автоматизированного производства, новых источников энергии и др. Ему будет соответствовать реальное обобществление труда, т. е. усиление его коллективного характера, возрастание взаимосвязи различных отраслей производства, повышение его управляемости. Все это в соответствии с идеологией эклектического марксизма должно быть соединено с национальными традициями: «Единственно достойный ответ заключается в скорейшем создании общенациональной и самобытной патристической идеологии, которая смогла бы противопоставить мнимым ценностям западного либерализма исконные, традиционные духовные ценности российской цивилизации, соединенные со всеми материально-техническими достижениями "постиндустриального" мира»²⁹. Современное, как ее понимает Г. А. Зюганов, прочтение «русской идеи» включает в себя четыре положения: (1) «Идея державная. Наш народ всегда стремился иметь сильное государство»; (2) «Идея национальная. Для России — страны, где более 80% составляют этнические русские, это в первую очередь идея спасения самобытной русской цивилизации и возрождения русского народа как стенового хребта российской государственности»; (3) «Идея социальной справедливости. Тяга нашего народа к правде и справедливости общезвестна. Особенно она обострена сейчас, когда в результате безответственных политических интриг имущественное расслоение общества достигло невиданных размеров»; (4) «Идея демократическая... Тысячелетняя русская история являет нам многоисленные примеры народолюбия — от новгородского веча XII-XV веков до казачьего самоуправления начала XX столетия. А рассуждая о благотворительности и нравственной выгоде русской общности, смешно не видеть, что установить сороборное согласие в обществе "сверху", минуя демократические механизмы народного волеизъявления, совершенно невозможно. Сороборность есть цель, а демократия — механизм ее реализации»³⁰.

²⁸ Зюганов Г. А. Глобализация: тупик или выход? С. 31.

²⁹ Зюганов Г. А. На рубеже тысячелетий. С. 480—481.

³⁰ Там же. С. 481—485.

Данное сочетание марксистских идей с идеями русского консерватизма и традиционализма (по преимуществу) носит не органический характер, т. е. не составляет единой логической концепции общественного развития. С одной стороны, такое сочетание является результатом политической борьбы с оппонентами и поиска союзников. С другой стороны, реальное основание эклектизма этого российского марксизма можно обнаружить в его неоднородной социальной базе и составе партийных масс в КПРФ.

* * *

В данной статье были освещены два направления в современном постсоветском марксизме, которые претендуют на политическое выражение в виде общественного движения. Остался нерассмотренным «академический марксизм», присутствующий в среде ученых и преподавателей высшей школы и академических институтов. Во-первых, он не выражен столь отчетливо, как политические версии. Во-вторых, он не может претендовать на какую-то особую школу. В большей мере «академический марксизм» заметен в области методологии исследования и в мировоззренческих установках (частично обществоведов, но и естествоведов); в какой-то степени он выражен и в отдельных попытках продолжить марксистскую теорию. В этом отношении «критический марксизм» и «эклектический марксизм» более активны и выразительны, хотя между «академическим марксизмом» и этими версиями можно отметить определенную взаимосвязь (например, разработка концепции «устойчивого развития» под руководством академика В. Колтота, одобренная и принята марксистами из КПРФ). Марксизм в современной России имеет место; он не вычеркнут из политики, науки и идеологии. После «антимарксизма» начала 1990-х отношение к этому идейному и теоретическому направлению более спокойное и рациональное. Марксизм остается и в качестве политической теории, и в виде политического движения.